

И. Чудова

Постмодернистская социология и качественная методология: *идеологические пересечения*

Мы, ироники, надеемся с помощью...
непрерывного переописания сотворить из самих себя
самые лучшие самости, какие только можем.

Ричард Рорти

Случайность, ирония и солидарность

1. Об идеологической общности методологических ориентиров

Социологию можно рассматривать как комплекс относительно самостоятельных отраслей и специализаций, парадигм и уровней. В этом случае мы фокусируемся на различиях между теорией и практикой, количеством и качеством, макро- и микро- и т. п. Альтернативный подход – постараться увидеть сложную целостность научного поля, где различные течения мысли пересекаются, перекликаются и взаимно влияют друг на друга.

Смежные идеи в дисциплинарном поле, соотносясь друг с другом в синхронических и диахронических сходствах и различиях, задают общий эпистемологический фон различных школ и тематик и образуют парадигмы научного мышления [Кун. 2003]. Синхронные идейные пересечения порождают созвучия и даже общ-

ность в понимании изучаемого предмета, в представлениях о способах его изучения, в логике и стиле мышления. В диахронии преемственность проявляется в общности методологических ориентиров [Дудина. 1999], в разной степени эксплицированного нормативного кодекса (поля).

Обнаружение *идеологической* близости между научными направлениями имеет смысл, поскольку, согласно современному пониманию социологической науки (З. Бауман, П. Бурдьё, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко и др.), набор концептуальных идей зачастую задает ценностное видение, а потому политически не нейтрален. Идеология научных подходов проявляется в моделях самообоснования принципов производства знания, в легитимации стилей мышления. Интуитивно понятая как точка слияния науки и политики, теории и методологии, идеология в нашем случае может служить интегрирующим понятием

Текст подготовлен в рамках образовательной программы Центра социологического образования Института социологии РАН “Качественные методы в социологическом исследовании-2008”.

для совокупности подходов, отсылающей с одной стороны, к *эпистемологии*, базовым допущениям системы знания, с другой стороны – к *комплексу процедур*, способов и техник производства знания. Идеологическое сродство подходов задает *сходства* в стиле, типе и контурах научного мышления [Дудина. 1999; Фурс. 2001].

В статье ставится цель описать *методологические мосты* между постмодернистской социологической теорией и качественной стратегией в социологическом исследовании, продемонстрировать, что постмодернистская социология¹ и качественная социология содержат ряд смежных идей-ориентиров и в этом плане связаны общей идеологией. Что значимо – идейная общность способна работать на взаимное обогащение подходов, обеспечить своего рода идеологическую поддержку, усиливать обоснованность.

2. Созвучие постмодернистских идей и качественной методологии

В качестве ведущей теоретической базы качественной стратегии в социологии обычно называют понимающую социологию, феноменологию и этнометодологию ([Ковалев, Штейнберг. 1999; Семенова. 1998] и др.), влияния же постмодернистских идей считают косвенными и не вполне очевидными. Однако некоторые авторы полагают, что именно постмодернизм как теоретическое движение способен произвести настоящий эпистемологический поворот [Фурс. 2001], спровоцировать “проблематизацию онтологических оснований научного исследования” [Дудина. 1999. С. 63], задавая особый стиль и модели мышления.

Конечно, постмодернизмом могут называть все что угодно – от течения в искусстве до своеобразного игрового состояния сознания, – но в нашем случае мы рассматриваем постмодернизм как теоретическую и методологическую основу в социологии. К постмодернистским концепциям мы относим тех, кто сам себя при-

числяет к постмодернистам, а также тех, чьим предметом рассмотрения выступает социальное состояние постсовременности.

Постмодернисты призывают преодолеть устаревшие воззрения науки модерна [Буравой. 1997], являя собой “попытку отстоять чистоту собственно научного дискурса под неявно принимаемым лозунгом «наука для науки»” [Дудина. 1999. С. 62]. Преодолевать предлагают *с легкостью*, не обременяя себя (и других) жесткими принципами. При всей *радикальности* методологических посылок, в их предложениях мы находим легкие, ненавязчивые ориентиры для исследовательской работы. Об их идейном значении для качественной стратегии в социологии мы и поразмышляем.

А. Релятивизм

Исходный момент постмодернистского рассуждения – релятивизм, своего рода принцип отсутствия принципов. Идеологический мир науки модерна “страдает притязанием на обладание истиной” [Фокин. 2002], утверждая способность ученого открывать истинные закономерности, присваивать истинные номинации как в теоретической деятельности, так и в практике исследования. Постмодерн предполагает множественность подходов и видений; из-за недоверия единой системе способов объяснения наблюдается “выход из употребления метанарративного механизма легитимации” [Лиотар. 1998. С. 10]. Идея не столь по своей природе нигилистичная, сколь плюралистичная: картины мира культур, групп и отдельных людей разнородны и тотализации не поддаются [Фурс. 2001]. От осознания трудностей перевода недалеко до вывода: “современные научные и философские теории не более истинны, чем великие романы и повести” [Фокин. 2002].

В качественной методологии встречаем созвучное базовое допущение – релятивизм, основанный на признании неограниченной множественности правд [Савинская. 2007] и, соответственно, их описаний [Дудина. 1999]. Исследова-

¹ Здесь мы позволим себе не проблематизировать *возможность* постмодернистской социологии, ссылаясь на труды постмодернистских теоретиков, обозначающих себя таковыми.

тель отправляется “в поле” изучаемого фрагмента социальной жизни, чтобы постичь смыслы *иного* мировидения, раскрыть это мировидение в его самобытности и языке [Ковалев, Штейнберг. 1999]. Множественность в методологии распространяется и на применение методик – гибкость и вариативность [Семенова. 1998], и на способы анализа – интерпретация и несоизмеримая валидность [Савинская. 2007. С. 131].

Релятивизм как идея в целом ориентирует на прочтение (и вариативную интерпретацию) малых повествований, “нарративов, законных в рамках локальных коммуникативных сообществ... и не претендующих на тотализацию” [Фурс. 2001]. На исходной релятивистской установке строится постмодернистский ролевой образ исследователя: *качественник* – это ироничный шизофреник (Рорти, Лиотар, Делез), пришедший сменить параноидального *количественника*.

Б. Дискурсивность

Постмодернистская идея о текстуальной природе опыта получила широкое звучание, оформившись в понятии “дискурс”. Познание всегда направлено на текст и существует как текст. Взрывная сила этого допущения в том, что научное знание ставится на одну доску с профанным. Такой релятивистский заход называют постмодернистским упрощением, в котором “социальная наука”, то есть диалог между теорией и фактами, становится не только лишь одним дискурсом из многих [Буравой. 1997. С. 158], но даже текстуальной фантазией, локальным фантазмом среди прочих равноправных (но не равнозначных) дискурсов [Фурс. 2001].

Отрицание прерогативы научного осмысления перед прочими способами познания, перед иной текстуальностью служит ориентиром и в качественной стратегии, в которой наука понимается лишь как одна из текстуальных перспектив, укорен-

ненных в практику [Дудина. 1999]. Утрата социологом метанарративной власти привела, согласно принципу дискурсивности, к включению локальных историй-рассказов в исследование [Лиотар. 1998], которое стало разворачиваться как *кон-версация*, со-беседование, соприкосновение дискурсов.

В. Теоретизирование

Построение теории (текста среди текстов) в постмодернистском ключе означает процессуальное событие, слабо ограниченное во времени или жанре. Продолжительная интерпретация задает основу для существования культуры, которая никогда не принимает оформившихся очертаний и постоянно продолжает становиться. Постмодернизм даже в теоретическом упорядочении усугубляет хаос, призывая “придумывать, придумывать безудержно, не обращая внимания на связи, сделать обобщения невозможными” [Рейнгольд]. Теоретический вклад при таком понимании состоит в умножении интерпретаций, и познание для постмодерна превращается в увлекательное изобретательство.

В качественной стратегии этому созвучен процессуальный стиль ведения исследования [Маслова. 1995], так называемая риторика генерирования теории, подразумевающая итерационный характер работы, ведение аналитики параллельно со сбором информации [Клюшкина. 2000], достраивание и перестраивание теоретических обобщений в ходе контакта с полевым материалом. Можно сказать, теория формируется в ходе исследовательского поиска, следуя логике и нюансам поля [Абельс. 1998]. Такого рода

ориентир позволяет уповать на близость исследователя к изучаемому явлению [Савинская. 2007] и вовлечение в теорию его ключевых аспектов и свойств [Клюшкина. 2000].

Теоретизирование как процесс не завершается итоговыми выводами из некоторого проекта, а обращается чередованием интер-

претативных эпизодов. Качественный подход означает, сообразно заданному ориентиру, внимательное (или в излюбленном обозначении приверженцев качественного подхода – “глубокое”) теоретическое прочтение отдельных эмпирических случаев [Абельс. 1998]. Локальность теорий в качественном исследовании, по всей видимости, можно трактовать как причастность и эмпирическому материалу, и процессу теоретизирования в целом.

Г. Трансгрессивность

Идея трансгрессивности, развитая в постструктурализме и в общем виде понимаемая как стремление преодолеть всякую историческую укорененность, важна, поскольку в ней постулируется сила самопреодоления; в этой идее предполагается снятие самой идейной связанности [Фуко. 1994]. В призыве к трансгрессивности воплотилось артикулируемое в постмодернизме стремление преодолевать всяческие рамки, снимать всяческие пределы на пути к пониманию особенного. Даже радикальный тезис о смерти субъекта не может реализоваться без рефлексивных усилий над своей собственной субъективностью.

В качественной стратегии имеется сходная апелляция к необходимости снимать социокультурную предвзятость исследователя, приводить свое сознание в состояние *tabula rasa* [Маслова. 1995; Семенова. 1998] и за счет удивленности поддерживать рабочий тонус. Особое внимание уделяется самоэтнографии – субъектному началу исследования, которое становится и исследовательским материалом, и продуктом размышления – и подвергается иронии, которая “не стремится ранить, но пытается сдержать мышление «как обычно»” [Абельс. 1998. С. 121].

Тематически трансгрессия ориентирует на исследование аномалий, редких случаев как наиболее информативных [Фуко. 1994], что отвечает абдуктивной логике поиска концепции

На исходной релятивистской установке строится постмодернистский ролевой образ исследователя: качественный – это ироничный шизофреник, пришедший сменить параноидального количественника

в качественном исследовании [Клюшкина. 2000. С. 99]. Идея трансгрессивности дает возможность включить в рассмотрение область воображаемого в социокультурной жизни групп. Трансгрессирующая наука (наука?) – это попытки аналитического описания на грани “не с целью получить от них эстетическое наслаждение, а чтобы с еще большей остротой передать ощущение

того, что нельзя представить” ([Lyotard. 1983. P. 340–341] цит. по [Ильин]).

Разумеется, наивно думать, что речь идет о полном отказе от исследования регулярных событий и объектов и полном сосредоточении на сингулярностях. Чтобы квалифицированно выделить аномалии и редкие объекты, нужно иметь хорошее представление о “номалиях”, закономерностях и распространенных объектах. Таким образом, *tabula rasa* не тождественна невежественности, подобно тому как смерть субъекта не может произойти без участия отчаянно и иронично рефлектирующего субъекта.

Д. Отказ от каузальности (прямой детерминации)

В постмодернистском способе миропонимания повышена чувствительность к гетерогенности мира, с обязательностью подразумевающая отход от тотализующей детерминистской модели объяснения, от выявления ведущего фактора или их набора. Постмодернистской социологии интересно обнаруживать несоизмеримые события, единичные факты, частные, локальные описания и объяснения. Кроме того, привлекательными становятся парадоксальные, антиномичные описания, своего рода “легитимация через паралогию” [Лиотар. 1998. гл. 14], состоящую в эвристичности (провокативности) теоретической идеи.

Созвучие уловимо в намерениях и возможностях качественной методологии – нацеливать на изучение частных кейсов и редких немассовых процессов, которые создают условия, где яв-

ление может проявиться в своей разносторонней противоречивости. Объяснение как теоретический исход в рамках качественной стратегии не отрицается, но приобретает менее однозначную форму, “не столь жестко детерминированную, как в предшествующих моделях социологической мысли” [Семенова. 1998. С. 127–128]. Каузальность трактуется как взаимовлияние, а связь между отдельными параметрами в процессе теоретизирования постоянно проблематизируется [Страус, Корбин. 2001].

Однако возникает вопрос: если вслед за качественной стратегией и постмодернистской социологией мы отказываемся от детерминизма и усложняем представление о каузальности, то не уменьшаем ли мы себе шансы на создание внятного теоретического обобщения?

Ответ на вопрос заключается в прояснении того, какого рода теоретических обобщений мы ожидаем. Если нас интересуют не причинно-следственные связи (например, потому что мы еще недостаточно знаем для их выявления) и не распределение некоторого признака в генеральной совокупности, а, к примеру, типология объектов или разработка понятий, адекватных для их описания, именно качественная стратегия принесет неоценимую пользу [Клюшкина. 2000. С. 95–96].

3. Постмодернистские ответы на критику качественной методологии

Все аспекты качественной методологии постоянно подвергаются критике представителями классической науки, в частности, позитивистски ориентированными сторонниками количественной стратегии. Материалы качественного исследования (как и способ работы с ними) (объ)являются “гибкими, ненадежными, поверхностными, спорными, капризными, фривольными, изменчивыми, уступчивыми, двойст-

венными, мягкими или легкомысленными” [Буравой. 1997. С. 155]. Далее, рассматривая некоторые положения этой критики, мы используем для защиты аргументы постмодернистской социологии, исходя из идеологического сходства между постмодернизмом и качественной стратегией.

А. О субъективности

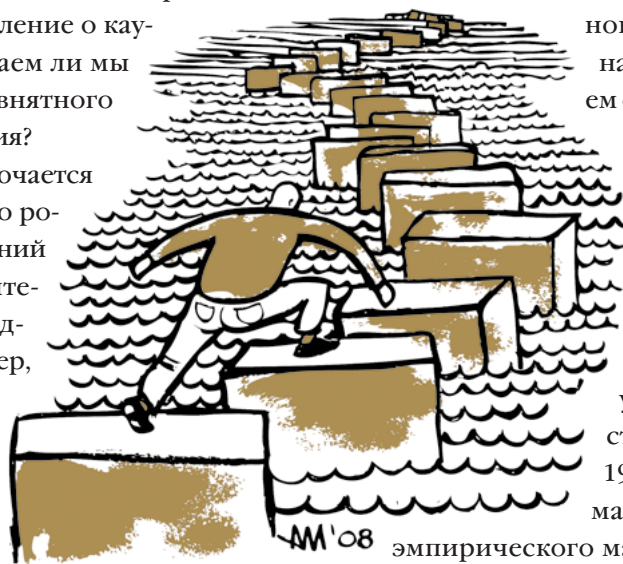
Одно из наиболее распространенных “обвинений” в адрес качественной стратегии – субъективность ([Буравой. 1997; Савинская. 2007; Семенова. 1998; Фурс. 2001] и др.), которую блестятели классического научного канона полагают явным

нарушением, отступлением от необходимого стремления к объективности.

Поскольку на этапе становления социология “стремилась избавиться от субъективизма как слабой стороны и искала способы усиления объективности данных” [Семенова. 1998. С. 17], качественная манера сбора и анализа

эмпирического материала, представленная изначально в этнографической традиции, клеймилась как “другая” и осуждалась за нарушение “так называемой научной объективности” [Буравой. 1997. С. 155].

Объективность в рамках позитивистского подхода обязательно предполагает обращение к объективным закономерностям, основанным на статистическом обобщении [Савинская. 2007]. По сути, за определенными исследовательскими практиками и процедурами закреплялся статус гарантированной объективности, что находило выражение, в частности, в гендерной терминологии: “опросы мужественны и объективны, а этнография женственна и субъективна” [Буравой. 1997. С. 155]. Субъективность (и субъектность) самого исследователя в позитивизме не проблематизируется, а нормативно минимизируется, поскольку полагается, что

объективные данные ведут к объективным выводам.

Последующее осмысление (прежде всего идей постструктуралистов) ставит под сомнение “основополагающие для западной интеллектуальной традиции оппозиции видимости и подлинной действительности, субъективного мнения и объективно-достоверного знания” [Фурс. 2001], аксиоматизирует тот факт, что исследователь как часть объекта исследования, т. е. изучаемого социального мира, неизбежно субъективен из-за своих переживаний по поводу объекта исследования, от которых он не в состоянии отделаться. Дистанцированная и объек-

тивистски непредвзятая позиция исследователя теряет свою безусловность: “познающий субъект вместе со своим методом составляет часть объекта, что ведет к полному разрушению представлений о существовании абсолютного наблюдателя” [Дудина. 1999. С. 62].

Неизбывность субъективности, однако, можно обратить в исследовательский ресурс [Савинская 2007], использовать ее в познавательных целях. Качественная стратегия апеллирует к рефлексивности исследователя-субъекта, способного к пониманию смыслов в том или ином локальном контексте. Идеологическая поддержка в лице постмодернистской социологии состоит в ориентации на локальность познания – познающего и используемого им метода познания. В этом контексте “саморефлексия, привязывающая мышление к некоторому принципиально локальному контексту” [Фурс. 2001], а также рефлексия средств и методов, актуальных в данном контексте, оказываются очень продуктивными. Трансгрессия как способ самопреодоления не исключает рефлексии, а нуждается в ней – значит, и в субъективности. В новом прочтении объективность есть осознанная субъективность, при которой “познание перестает

Чтобы квалифицированно выделить аномалии и редкие объекты, нужно иметь хорошее представление о “номалиях”, закономерностях и распространенных объектах. Таким образом, tabula rasa не тождественна невежественности, подобно тому как смерть субъекта не может произойти без участия отчаянно и иронично рефлектирующего субъекта

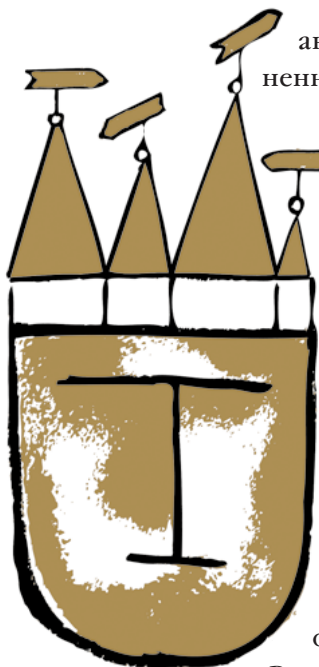
быть субъективным, когда субъективность рефлектируется, сама становится объектом” [Дудина. 1999. С. 60].

Субъективность проявляет себя в способности исследователя погрузиться в язык других (культур), понять и ретранслировать их смыслы в научный дискурс. Тем самым субъективность обеспечивает дискурсивную чувствительность, открывает доступ к “картинам мира” других, становится полезной при интерпретации, т. е. при переводе с одного языка на другой. Сингулярность субъективности преодолевается в соотнесении с общим дискурсивным полем, в согласовании понимания, в организа-

ции интерсубъективности посредством триангуляции: “научная объективность в данном случае трактуется как интеллектуальное согласие, совмещение нескольких перспектив” [Дудина. 1999. С. 60].

Б. О генерализации

Поскольку качественная стратегия обнаруживает онтологическую и эпистемологическую связь с субъективизмом [Савинская. 2007], претендует на понимающее проникновение в локальные (и даже единичные) события и культурные миры, возникает вопрос о возможности обобщать качественные данные: “этнографы доходят до интересных открытий, но не имеют способа их воспроизводства, так как их исследования уникальны... не могут обобщать из-за ограниченного числа случаев” [Буравой. 1997. С. 156]. Подобная критика ниспровергает романтику [Абельс. 1998] замысла, который состоит в том, чтобы выявить индивидуальное (установки, представления, жизненные истории), исполненное нюансов и особенностей. Для реализации этого замысла качественной методологии пришлось вооружиться собственным терминологическим арсеналом с целью обозначения таких процедур

анализа, как абдукция, укорененная (обоснованная) теория [Стросс, Корбин. 2001] и т. п.

В перспективе постмодернистской социологии локальное событие схватывается путем постижения его словаря и разработки частных аналитических понятий: “субъективные переживания исследователя, составляющие основу метода понимания, обретают общезначимость через понятия, с помощью которых обобщается многообразие эмпирического опыта” [Дудина. 1999. С. 60].

В качественном анализе происходит столкновение словарей и правил мироописания, встреча “местного”, живого языка и рефлексивного конвенционального языка науки.

Сторонники качественного подхода подчеркивают инаковость самого принципа обобщения: индукция вместо дедукции, аналитическое обобщение вместо статистического. *Отход от прямой детерминации* в постмодернистской социологии предполагает возможность выявления сложных связей и противоречивых взаимовлияний, а также нестатистических обобщений.

Идеи постмодернистской социологии созвучны с качественной методологией в том, что научная работа понимается прежде всего как текстопорождение, “постоянное переописание мира” [Фурс. 2001]. Наука – это теоретизирование, поступательный интерпретативный процесс, чья функция состоит “не в замене одних интерпретаций другими, а в расширении поля этих интерпретаций” [Дудина. 1999. С. 62], ибо восхождение к теории бесконечно.

В. О беллетристике и перформансе в презентации данных

Следующая проблема качественной стратегии, которую любят отмечать критики, – слабая формализация процедур анализа, имеющих интуитивные и имплицитные основания. Романтический взгляд исследователя, посвятившего себя

изучению локального феномена, “открывает предмет интуитивно”, такой исследователь “с фантазией выдумывает свои вопросы и творчески устанавливает методы” [Абельс. 1998. С. 101], так что идея социологического воображения [Миллс. 1998] привлекается едва ли не для отказа произвести хотя бы мало-мальски строгую, формализованную модель. Характерная для качественников свободная манера изложения и презентация материала, по мнению критиков, дискредитирует претензии текста на научность.

Здесь постмодернистские ориентиры *трансгрессии и дискурсивности* оказываются уместными, поскольку настраивают на производство рефлексивных в методологическом отношении текстов. В отличие от априорного постулирования формализованности количественника, стремление качественника к “четкой рефлексии допущений и предубеждений” [Дудина. 1999. С. 64], к экспликации [Маслова. 1995] всех исследовательских техник и их дискурсивному обоснованию обозначает движение к формализации, пусть локальной и апостериорной. Согласно курсу на *рефлексивность*, обозначенную здесь в качестве точки идеологической общности постмодернистской социологии и качественной методологии, “любая теория должна быть представлена вместе с методом ее создания, а исследование – как исследование реальности и исследование самого исследования” [Дудина. 1999. С. 64]. *Релятивизм* как исходная идея апеллирует к возможности гибкого, контекстно ориентированного поведения исследователя в выборе методов, позволяет обратить “мягкость” в работе с эмпирическим материалом в достоинство [Буравой. 1997. С. 157].

В понимании постмодернистской социологии создание научного текста и его презентация – это процессы в значительной мере произвольные, но непременно тесно связанные с контекстом изучаемого феномена. Текст представляет собой “по своему стилю... живое описание с большим количеством цитат из устной или письменной речи исследуемых. По жанру – интерпретация, размышление, гипотезы или *теоретизирование* о данном феномене социальной

жизни” [Семенова. 1998. С. 11]. *Релятивизм* подразумевает гетерогенность социальной реальности, а потому *дискурсивную* разницу между изучаемым и изучающим должно непременно обнаружить в анализе. Теоретизирование питается цитатами (“использование цитат привело к расширению риторических возможностей теоретических рассуждений” [Клюшкина. 2000. С. 96]) и организовано как интерпретация, как переописание мира [Фурс. 2001].

Поскольку “сторонники конструктивистского и постмодернистского подходов фокусируются на коммуникативной значимости разных жанров исследовательского письма” [Савинская. 2007. С. 128], для качественной стратегии характерна разнородность стилистических элементов. Однако либеральность в отношении способа преподнесения материала (диалоги, фрагменты повествований, рабочие заметки и зарисовки) компенсируется рефлексивным упорядочением всех этапов исследования.

4. Резюме: общие ориентиры

Проведенный анализ позволяет систематически представить идеологические пересечения между постмодернистской социологией и качественной методологией по следующим категориям (параметрам): фокус исследования, позиция исследователя и способ работы с материалом.

В *фокусе внимания* обоих подходов находятся *локальные смыслы*, ускользающие от универсальных детерминистских объяснений. Локальный характер смыслы приобретают ввиду стремительной изменчивости социальной реальности [Савинская. 2007]. В динамике (пост)современной жизни, где любая идентичность временна [Бодрийяр. 2006], субъективные

Субъективность проявляет себя в способности исследователя погрузиться в язык других (культур), понять и ретранслировать их смыслы в научный дискурс. Тем самым субъективность обеспечивает дискурсивную чувствительность, открывает доступ к “картинам мира” других, становится полезной при интерпретации, т. е. при переводе с одного языка на другой

смыслы носят едва ли не ситуативный характер [Дудина. 1999]. Отсюда и готовность изучать отдельный кейс, текущие социальные проблемы [Ядов. 1991] и немассовые процессы.

Общность *исследовательской позиции* заключается в *гиперрефлексивности* [Савинская. 2007], которая подразумевает, с одной стороны, осознание исследователем собственных предубеждений, ценностных и теоретических пристрастий, с другой стороны – требование упражнять беспристрастность взгляда. “В так называемую эпоху постмодерна с его скепсисом в отношении любых обобщений и иерархий, состоит в возможности научного мышления осознавать, делать явными те основополагающие допущения, на которых оно покоится, относятся ли последние к специфике теоретического взгляда как такового или к особой социальной позиции исследователя” [Дудина. 1999. С. 64]. Рефлексивность

напрямую связана с пониманием (своей и встречной) субъективности, когда осмысление пережитого эмпирического опыта оформляется в научные понятия.

Способ работы с материалом (данными) обусловлен осознанием текстуальной природы социального мира (У. Эко). Стремление к пониманию ориентирует исследователя на обращение к локальным языкам и терминам [Маслова. 1995], выявление словарей [Фурс. 2001] изучаемого феномена. Работа с текстовым материалом сама

предполагает текстуальные формы деятельности, столкновение различных конечных словарей [Фурс. 2001], прения на грани распри (Лиотар), создание комментариев к повседневности [Бауман. 1998], производство дискурса о дискурсе. Итогом качественного исследования может выступать сформированная в процессе теоретизирования (и триангуляции!) система понятий. Качественникам постмодернисты могли бы адресовать максимум: рефлексуйте, продолжайте повествование, умножайте интерпретации... ■

Литература

- Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 98–124.
- Бауман З.* Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М.: Республика. Культурная революция, 2006.
- Буравой М.* Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154–176.
- Дудина В. И.* Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3. С. 57–65.
- Ильин И. П.* Постмодернизм и прочее // ilin-ip.libragus.ru
- Клюшкина О.* Построение теории на основе качественных данных (из истории развития методологического направления) // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92–101.
- Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Кун М.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 1998.
- Маслова О. М.* Количественная и качественная социология: методология и методы: (По материалам “Круглого стола”) // Социология: 4М. 1995. № 5–6. С. 5–16.
- Миллс Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О.А. Оберемко под ред. Г.С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998.
- Рейнгольд С.* Отравить монаха, или Человеческие ценности по Умберто Эко (Ч. 2) <http://www.niworld.ru/Statei/umberto_ako/reingold/umberto_ako_4.htm>
- Рорти Р.* Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой и Р. З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Савинская О. Б.* Субъективность в качественном исследовании: новые подходы // Социологические исследования. 2007. № 10. С. 122–131.
- Семенова В. В.* Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
- Стросс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и посл. Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Фокин С.* Лиотар и “французы” // Новая русская книга. 2002. № 1 <<http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/fokin.html>>
- Фуко М.* О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины 20 века. СПб.: Мифрил, 1994.
- Фурс Н. Э.* Эпистемологические импликации постмодерного состояния – новые стратегические формулы образования // Образование в современной культуре. 2001. № 1. <<http://charko.narod.ru/tekst/alm1/furs.htm>>
- Ядов В. А.* Стратегия и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991. № 1. С. 14–31.
- Lyotard J.-F.* Answering question: What is post-modernism // Innovation / Renovation: New perspectives on the humanities / Ed. by I. Hassan, S. Hassan. Madison: University of Wisconsin Press, 1983. P. 329-341.